

ВСТРѢЧА.

Свиридовъ прямо съ поѣзда проѣхалъ въ гостиницу и сидѣлъ за завтракомъ въ ресторанѣ, когда замѣтилъ вдругъ въ дверяхъ сильно расплывшуюся, знакомую фигуру въ пальто и мягкомъ картузѣ и тотчасъ же окликнулъ входившаго.

— Николай Ильичъ!

— Лева, голубчикъ! Какими судьбами?

Они расцѣловались.

— Давно-ли? На долго ли?

— Да минутъ десять уже есть. А на долго ли—не знаю. Что-то вотъ ничего не даютъ, а я тороплюсь и голоденъ какъ волкъ.

— Сейчасъ, сейчасъ все будетъ. Человѣкъ!—закричалъ вдругъ Стоцкій такимъ голосомъ, что Свиридовъ поморщился.

— Если ты такъ будешь кричать, то подумаютъ, что мы съ утра хотимъ устроить дебошъ и совсѣмъ ничего не дадутъ. Смотри, дамы обернулись и смотрятъ на насъ.

— Ничего, голубчикъ! Это я отъ радости. Вѣдь сколько лѣтъ не видались. Какъ же было не увѣдомить, по крайней мѣрѣ, не написать!

— Для чего же было увѣдомлять! Вотъ и не написалъ, а все же встрѣтилъ тебя. Я и зналъ, что встрѣчу. Гдѣ же тебѣ и быть, какъ не здѣсь! Мѣсто насаженное.

— Ну, не скажи,—съ озабоченнымъ видомъ возразилъ Стоцкій, усаживаясь къ столу и пережевывая послѣ рюмки водки кусокъ калача съ икрой.—Я послѣднее время почти что и не наѣзжалъ, у себя сидѣлъ въ Зайцевѣ безвыѣздно. Не вѣришь? Честное слово. А это крайность заставила, дѣла. По дѣламъ и пріѣхалъ.

— Что жъ, пмѣніе перезакладывалъ?

— Экъ хватился! Заложено, дружочекъ, давно, когда хозяйство совершенствовать затѣяли.

— Ну, разумѣется, какъ и подобаетъ. Всякое совершенствованіе денегъ стоитъ. Такъ теперъ, значитъ, подѣ третью, что ли?

Николай Ильичъ махнулъ рукой.

— Ну что, право, охота! Столько лѣтъ не видались, охота сразу говорить о дѣлахъ. Слава Богу, успѣлъ устроить все и теперь свободенъ и счастливъ, что могу быть съ тобой. Господи, вѣдь точно въ воду капулъ и вдругъ нашелся. Даже не вѣрится. Ты что будешь пить?

— Да Виши, должно быть, другое-то все запрещено. А ты все попрежнему? Но однако не съ утра же копякъ! Спроси что-нибудь поприличнѣе. Портвейпъ здѣсь былъ когда-то не дурепъ, красный. Ты, впрочемъ, мало измѣнился въ общемъ, вотъ развѣ только жилеть бѣлый напрасно носишь. Бѣлое, говорятъ, полнитъ.

Стоцкій махнулъ рукой.

— Гдѣ ужъ тутъ разбирать! Въ смыслѣ туалетовъ, мы здѣсь все опустили, печего грѣха таять. Дома, повѣришь ли, по мѣсяцамъ изъ косоворотки не вылѣзаю.

— Что жъ, и косоворотка вещь хорошая... во благовременш. Помнишь, говорилъ отецъ протоіерей? Передай, пожалуйста, пкру. Вотъ пкру такую въ Петербургѣ не всегда найдешь. Кедровыми орѣхами отзывается. Да ты службу-то бросилъ или нѣтъ? Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ давно ничего не знаю о васъ,—замѣтилъ Свиридовъ и, придвинувъ блюдо, положилъ на тарелку куриную котлету и медленно, словно нехотя, сталъ ѣсть.

— Такъ какъ же, все еще предсѣдательствуешь?—повторилъ онъ вопросъ.

Николай Ильичъ не сразу отвѣтилъ. Онъ былъ занятъ переправкой пзъ судка на тарелку стерляди кольчпкомъ, которую ему хотѣлось переложить цѣликомъ, не сломавъ.

— Да ты что же это, па діэтѣ, что ли? Куриную котлету!—почти въ ужасѣ закричалъ онъ.—Такихъ стерлядей, батенька мой, въ Петербургѣ и за деньги не найдешь. Живая вѣдь была, плавала пять мнпуть тому назадъ.

— Вотъ Богъ дастъ, отлежусь у матери па лежанкѣ, тогда и за стерлядей примусь. А пока такая дрянъ иногда во рту, что табакъ и тотъ протпвепъ.

— Да, постарѣлъ ты, братъ, похудѣлъ,—началъ было сочувственно, расправляясь со стерлядью и качая головой Николай Ильичъ, но Свиридовъ перебилъ его.

— А ты все не отвѣчаешь на вопросъ. Что же земство-то ваше, предсѣдательство твое?

— Вышелъ, голубчикъ, давно, лѣтъ пять уже какъ бросилъ. Нѣтъ возможности, слишкомъ дорогое удовольствіе, не по карману. Ну, какъ же, посуди самъ...

— Что жъ, растрата?—закуривая и улыбаясь, спросилъ Свиридовъ.

— Хорошо, кабы одна, а то разъ за разомъ цѣлыхъ три, да все тысячныи и побольше. Такіе мерзавцы тутъ у насъ завелись, не повѣришь. Ну, а между тѣмъ, что же хорошаго, корреспонденціи сейчасъ пойдутъ, пресса правая обрадуется, подхватитъ тамъ у васъ же въ Питерѣ. Въ качествѣ предсѣдателя пришлось, разумѣется, пополнять. Крѣпился, кряхтѣлъ, все разсчитывалъ къ совѣсти апеллировать, все и тянулъ. Спасибо, Анна Викентьевна вступилась, наконецъ, и заставила подать въ отставку. У меня вѣдь ихъ, голубчикъ, собственныхъ-то восемь человекъ, девятый въ дорогѣ.

— Да, количество значительное.

И. Е. Рѣпинъ.

Этюдъ.

— Вотъ прїѣдешь, самъ увидишь. Подросли, и новенькіе есть, перезнакомнись. Кстати, ты куда же отсюда и когда?

— Въ Осиповку, разумѣется, ѣду сегодня же. Вотъ только постричься думаю, въ Петербургѣ не успѣлъ.

— Брось, не стойтъ. У меня тебя Пашка не хуже Теодора острижетъ. Онъ у меня всѣхъ ребятъ стрижетъ. Я и машинку завелъ,—объяснялъ Николай Ильичъ удерживая за рукавъ, и ласково глазами, уже подернувшимся влагой отъ выпитаго портвейна, посмотрѣлъ на Свиридова.

— Послушай, ну, что тебѣ стойтъ! Поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ. Успѣешь въ Осиповку. Что ты тамъ въ самомъ дѣлѣ забылъ? Вѣдь ты не телеграфировалъ, не писалъ?

— Не писалъ.

— Ну, вотъ видишь. Сдѣлай мнѣ эту дружбу. Нельзя же такъ не видаться нѣсколько лѣтъ и вдругъ разстаться чрезъ полчаса.

Но Свиридовъ остался непреклоненъ. Онъ былъ блѣденъ, утомленъ дорогой и не соглашался ни на какія измѣненія въ своихъ плапахъ.

Порѣшили на томъ, что Николай Ильичъ самъ довезетъ его до Осиповки, переночуетъ, а тамъ на утро видно будетъ.

— Да у тебя что же, экипажъ здѣсь, лошади свои? —спросилъ Свиридовъ, когда оба, расплатившись, сходили по широкой, уставленной растениями лѣстницѣ нарядной гостиницы, и швейцаръ внизу со всѣхъ ногъ бросился подавать имъ пальто.

Николай Ильичъ улыбнулся немного смущенной улыбкой.

— Не свои, голубчикъ. Признаться, не люблю я своихъ. На конюшнѣ у меня ихъ тамъ дѣлая инвалидная команда, и порядочная, полукровки есть. Только вѣчно, знаешь, исторія какая-нибудь со своими. Какіе-то тамъ у нихъ, чортъ ихъ знаетъ, всегда мокрецы, да построжки, гужи какіе-нибудь не въ порядкѣ. То ли дѣло ямщики. Знать ничего не знаешь, онъ тебѣ отвѣчаетъ за все, и посмотри какъ у него все поетъ. А какой тарантасъ!—въ восхищеніи закричалъ онъ, выходя на крыльцо.—Да ты что морщишься? Это Казанскій, видишь дрожини? Люлька, тебѣ говорю, настоящая люлька, никакая коляска не сравнится.

— Что же, я дѣню постоянство вкусовъ,—говорилъ Свиридовъ, послѣ того какъ размѣстили вещи и оба удобно устроились на пружинномъ спѣшии тарантаса, который дѣйствительно мягко покачивался на длинныхъ дрожинахъ, дѣлавшихъ нечувствительными толчки и неровности дороги.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, и прежде предпочиталъ ямщиковъ. Я помню, какъ ты прїѣхалъ къ намъ съ Сережей въ первый разъ въ институтъ вмѣсто извозчика на тройкѣ. Мнѣ тогда почему-то это ужасно понравилось. Но я рассчитывалъ, что ты успѣлъ измѣниться съ тѣхъ поръ. Сколько далъ тогда за карету, которую написалъ къ свадьбѣ?

— А это пзъ Вѣны, съ голубой обивкой... Дорого что-то, тысячи полторы съ доставкой, должно быть, обошлось.

— Довольно была странная идея выписывать карету для путешествія въ нѣсколько саженой отъ Зайцевской усадьбы до церкви.

— Ну вотъ еще, мы въ ней съ Гулей визиты дѣлали. А какъ у нея профиль выдѣлялся на голубой обивкѣ, вотъ ты чего не видалъ! У нея вѣдь вашъ типичный Свиридовскій профиль. Не хуже твоего, какъ сейчасъ помню,—задумчиво проговорилъ Николай Ильичъ и вздохнулъ.

Свиридовъ, полулежа на сафьянной, мягкой подушкѣ, повернулся слегка и внимательно посмотрѣлъ на облысѣвшую, прикрытую глубоко надвинутымъ мягкимъ картузомъ, голову, Николая Ильича. Лица не было видно.

— Въ такомъ случаѣ извини, ты правъ, совершенно правъ,—серьезно сказалъ онъ.—Была, значитъ, хорошая минута, по настоящему хорошая, если помнишь о ней черезъ столько лѣтъ. За это не дорого и полторы тысячи отдать. Больше-то вѣдь и нѣтъ ничего.

— То-есть, какъ это нѣтъ ничего? Въ какомъ смыслѣ?

— Да такъ, въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Есть хорошія минуты въ жизни и кромѣ нихъ нѣтъ ничего. Ничто другое по сравненію гроша ломаного не стоитъ, въ томъ числѣ и самая жизнь.

— Это что же, философія новая тамъ у васъ въ Петербургѣ?—съ неожиданной раздражительностью спросилъ Николай Ильичъ, откашливаясь, и затрясъ головой такъ, что подушка закачалась подъ обоями. Свиридову пришлось перемѣнить положеніе.

— Ничего нѣтъ кромѣ минутъ наслажденія? Ну, а другое-то все куда же вы дѣвали?

— То-есть, что же это другое?

— Да мало ли! Ну хотя бы... общественныя обязанности, долгъ, наконецъ. Свиридовъ поморщился и бросилъ папиросу.

— Былъ у меня пріятель, который любилъ говорить,—«долгъ прежде всего!» Такъ онъ его понималъ въ буквальномъ смыслѣ и долженъ, гдѣ могъ, главнымъ образомъ своему портному. А у тебя вѣдь, пожалуй, другое на умѣ? То-то вотъ и есть, разговоры о долгѣ въ тарантасѣ на большой дорогѣ, а я въ вагонѣ двѣ ночи не спалъ, да и тарантасъ твой хваленый, далеко не такой покойный, какъ казалось съ перваго раза. Или дорога здѣсь хуже пошла?

Николай Ильичъ не отвѣчалъ. Онъ видимо думалъ о другомъ и можетъ быть не слышалъ вопроса...

— А твою старую теорію наслажденія помнишь?—спросилъ онъ вдругъ, помолчавъ.

— Что жъ, я и теперь продолжаю думать, что наслажденіе это единственное, что заслуживало бы теоріи. Я, конечно, понималъ ее тогда реблчески, прямолинейно, но и въ то время она сослужила мнѣ свою службу и дала не одну хорошую минуту.

— Ну, по части наслажденія и хорошихъ минутъ, я полагаю, у тебя вообще недостатка не было въ жизни, помимо всякихъ теорій,—замѣтилъ Николай Ильичъ.—Ты объ насъ не слыхалъ, а о тебѣ вѣсти сюда доходили. Что-то прямой разъ фантастическое! Не то Донъ-Жуанъ, не то, ужъ извини, что-то въ родѣ маркиза де-Садъ.

— Ну, что, вздоръ!—лѣниво отозвался Свиридовъ.

— Да позволь, однако, когда я самъ былъ въ Петербургѣ въ послѣдній разъ...

— Что же ты хочешь сказать?

— Да, вѣдь, я въ двѣ недѣли ни разу не могъ тебя застать. Ни единого раза, —выразительно протянулъ Николай Ильичъ.—Приходилъ, кажется, во все часы дня и ночи, и неизмѣнно дверь была заперта, а швейцаръ въ благодарность за мои рублевки конфиденціально докладывалъ мнѣ, что у тебя — «дама-съ».

— Скотина! Что же онъ тебѣ пазывалъ кого-нибудь?

— Я, братъ, не допытывался, не все ли мнѣ равно. Но фактъ тотъ, что мы увидались только на вокзалѣ.

— Въ Петербургѣ все такъ живутъ.

— Ну, нѣтъ, голубчикъ, не все. Развѣ я самъ-то не жилъ! Да гдѣ же было мнѣ съ моимъ животомъ и кривыми ногами. Это ужъ твое счастье. Будетъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ вспомнить...

Свиридовъ вдругъ повернулся лицомъ и поправилъ низкую дорожную шапочку, красиво сидѣвшую на только-что подстриженныхъ, все еще густыхъ волосахъ.

— А хочешь ты знать, что я считаю, что совсѣмъ нечего будетъ вспоминать, —съ неожиданной серьезностью началъ онъ.—Было такъ... калейдоскопъ какой-то былъ, ежедневная непомѣрная суета и трата силъ и въ результатѣ — дурной вкусъ во рту, утомленіе, чадь и угаръ.

— Да ужъ если ты это можешь говорить...

— И говорю! Хоть тебѣ и странно, можетъ быть, слышать, но повѣришь ли, иной разъ кажется, что настоящаго-то ничего и не было до сихъ поръ. Ну и не будетъ уже, разумѣется, теперь.

— Да тебѣ теперь сколько лѣтъ?

— Сорокъ, —отвѣтилъ Свиридовъ.

— Сорокъ, —повторилъ Николай Ильичъ и тотчасъ прибавилъ:—Сорокъ лѣтъ —бабьи вѣкъ, ну, а мы еще повоюемъ. Отощаль ты пемного... Ничего, заправишься живо на домашнихъ хлѣбахъ, молодцомъ еще будешь.

Свиридовъ комически охнулъ и перемѣнилъ позу.

— Гдѣ ужъ тутъ! Хоть бы до лежанки добраться скорѣе. Нѣтъ, положительно, хваленый тараптасъ не выдерживаетъ критики. Нельзя ли хоть потише? Все бока расколотило.

— Слышишь, тише, Игнашка! —приказалъ Стоцкій.—Тараптасъ не при чемъ, а дорога не наѣзженная. Это что тамъ впереди? Молодое?

— Такъ точно, —отозвался съ козелъ ямщикъ.

— Ну, такъ, разумѣется, это новая дорога, объѣздъ. Тутъ, братъ, у насъ цѣлая исторія...

— Да чье имѣніе-то? Я что-то не вспомню, —сказалъ Свиридовъ, приглядываясь къ картинѣ усадьбы, которая открывалась передъ ними со стороны горы.

— Ну, какъ же, Молодое, Карабинныхъ. Онъ самъ, Михаилъ Петровичъ Карабинъ, замѣститель мой, теперешній предѣдатель управы. У этого можно быть покойнымъ, начетовъ не будетъ никакихъ, ни растратъ. Все въ струпѣ. Глазные, говорятъ, обижаются, что онъ въ земскомъ хозяйствѣ единолично распоряжается своей властью, какъ у себя въ Молодомъ.

Свиридовъ слушалъ разсѣянно и внимательно всматривался въ картину, открывавшуюся съ горы.

Былъ конецъ апрѣля. Снѣгъ сошелъ, но весна была поздняя, трава слабо

пробивалась изъ-подъ сѣраго слоя прошлогоднихъ стеблей и листьевъ, и только озими зеленѣли изумрудными кусками и полосками, да въ ближнемъ лѣсу, еще прозрачномъ и голомъ, темнѣли пятна высокихъ стрѣльчатыхъ елокъ и раскидистыхъ сосенъ.

Въ церкви па горкѣ перезванивали колокола. Гдѣ-то близко и громко куковала кукушка.

Солнце свѣтило съ безоблачнаго неба. Было празднично-свѣтло, ярко и звонко.

Дорога сдѣлала поворотъ и пошла у самой ограды усадьбы, усаженной стриженной акаціей.

— Да что такое, почему звонять? Сегодня праздникъ какой-нибудь, что ли? — спросилъ Свиридовъ.

— А какъ же, самый нашъ деревенскій—Егорій. Не знаешь развѣ, 23 апрѣля? Скотину выгоняютъ.

— Да пѣть, погоди, постой! Поютъ!.. Да вели же остановиться ради Бога! Это интересно.

Ямщикъ осадилъ лошадей и экипажъ остановился у угла каменной, невысокой ограды.

Жиденькія вѣтки стриженной акаціи еще пераслущивнейшея, покрытой пухлыми, свѣтло-сѣрыми комочками почекъ, ничего не закрывали и приходились почти въ уровень экипажа.

Свиридовъ поднялся съ мѣста, уперся колѣномъ въ подушку сидѣнья и сталъ смотрѣть поверхъ акаціи.

По дорогѣ къ усадьбѣ, разметенной и усыпанной пеекомъ, со стороны церкви двигалась процессія.

Отчетливо и бодро, чуть-чуть что не сбиваясь на плясовой мотивъ, раздавалось: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...

Шли бабы и дѣвки съ иконами. Мужики несли старыя, колыхавшіяся въ воздухѣ, потемнѣвшія хоругви и два мальчугана, опоясанные полотенцами, заажженные фонари.

Все это готовилось уже войти въ ворота, когда навстрѣчу съ крыльца дома двинулась небольшая группа людей: молодая женскія фигуры въ бѣлыхъ платьяхъ, офицеръ въ мундирѣ и маленькій мальчикъ и нѣсколько человекъ прислуги, слѣдовавшей за господами.

Въ воротахъ произошла остановка.

Молодая, полная женщина выпустила ручку ребенка, и первая, перекрестившись, приняла на полотенцѣ небольшую икону Богоматери въ серебряной, ярко начищенной ризѣ. Остальные образа переходили съ рукъ на руки отъ пришедшихъ къ встрѣчавшимъ, и процессія уже трогалась дальше, когда Свиридову бросилась въ глаза бѣлая, странно тонкая, въ узкомъ платьѣ, фигура, очевидно, молодой дѣвушки, какъ бы въ смущеніи остановившаяся посреди дороги.

Образа уже были все разобраны по рукамъ. Рядомъ стояла крестьянская баба, держа крѣпко и прямо обѣими руками передъ самымъ лицомъ большое черное распятіе съ тусклымъ, почти полипавшимъ изображеніемъ. Дѣвушка, видимо, въ нерѣзительности безпомощно оглянулась назадъ, потомъ вдругъ перекрестилась, взялась руками за распятіе, стараясь держать его совершенно

такъ же, какъ баба, но не удержала и склонившись и подставивъ плечо, подняла на него большой черпый крестъ.

«Смертью смерть поправъ» ... пѣли удалявшіеся голоса.

— Кто? Кто это?—шепталъ Свиридовъ, толкая за плечо Николая Ильича, который также приподнялся съ мѣста и смотрѣлъ.

— Которая? Красивая, полная впереди?

— Да нѣтъ! Эта, вонъ эта съ крестомъ?

— Не знаю. Должно быть тоже одна пзъ дочерей,—такъ же шепотомъ отвѣтилъ Николай Ильичъ.

— Самая барышня, ихняя дочка,—отозвался вслухъ ямщикъ, безъ шанки съ козелъ наблюдавшій происходившее.

Процессія подходила къ мѣсту ограды, у котораго стоялъ экипажъ и во-екличаніе ямщика обратило на себя вниманіе.

Когда бѣлая фигура, съ крестомъ на плечѣ, поровнялась съ нимъ, Свиридовъ снялъ шляпу и разглядѣлъ темные, серьезные глаза на минуту сурово под-нявшіеся на него.

Потомъ, видимо, сгибаясь подъ тяжестью ноши, она на секунду остано-вилась, поднялась на ступени крыльца и исчезла въ дверяхъ.

— А красиво! Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ—хорошо,—заговорилъ Свиридовъ послѣ молчанія, когда миновали усадьбу и тарантасъ покотился по большой дорогѣ, усаженной старыми березами.

— Въ Петербургѣ этого не увидишь. Будь я художникъ...

— Но ты не художникъ... Знаю я, что тебѣ показалось хорошо. Да не ви-лий, пожалуйста. Что же будешь добиваться теперь знакомства?

— Гдѣ мнѣ? До того ли теперь!

— Какъ знаешь. А если бы очень захотѣлъ, протекцію оказать я могу.

— Такъ стало быть ты знакомъ?

— И да, и нѣтъ. Не большой я охотникъ до самого Карабина. Тяжелый ха-рактеръ, и своимъ въ семьѣ должно быть съ нимъ не легко... Этой съ крестомъ не знаю. Худа очень. Не мой вкусъ. Младшая, вѣроятно, ее еще и не показывали, а старшія дѣвочки премилыя. Одна замужемъ. Да вотъ ноѣдемъ, увидишь самъ.

— Ноѣдемъ,—отозвался Свиридовъ и прибавилъ соннымъ голосомъ.— А пожалуй, ты правъ, это дорога была виновата. Сейчасъ не трясеть, а въ самомъ дѣлѣ, укачиваетъ, какъ въ люлькѣ. Я буду спать.

— Спи. Я же тебѣ говорилъ.

Но и во снѣ Свиридову представлялась бѣлая, тонкая фигура съ крестомъ на плечѣ, и въ первый разъ со времени отъѣзда изъ Петербурга, сопровождавшагося тяжелыми, раздражительными сценами, ему начинало казаться, что еще есть нѣчто, не состоящее ни въ какой связи ни съ Петербургомъ, ни съ этими сценами, неспорченное и неопрошенное и что, вообще, можетъ быть, еще и можно и стоять жить.

Л. Нелидова.